

Ольга Баранова

Начать сначала

Ольга Баринова

Начать сначала

<https://litres.ru/74254713>

Аннотация

Ее била свекровь. Презирал муж. А слуги смеялись прямо в лицо.

Она считалась пустоцветом — забитой дурнушкой без капли магии.

Но однажды в этом теле очнулась другая.

Нина Петровна считалась лучшей мастерицей по фарфору в своём мире. Здесь у неё нет ничего — кроме глины, болот и ненавистной свекрови.

Нина погибла при взрыве на заводе, а очнулась в теле баронессы Нинель фон Торн.

Её новый мир суров: магия спит, денег нет, единственная верная служанка — в тюрьме, а муж приедет через две недели, чтобы «сделать наследника», не спрашивая ее согласия.

Но Нина — не та, кем была Нинель. За плечами — двадцать пять лет опыта на лучшем фарфоровом заводе. В руках — глина, из которой она умеет делать настоящее чудо. И она не собирается сдаваться.

Фарфор, интриги, болотная магия и красавец-герцог, который не должен был стать ее союзником, но почему-то становится.

Книга о женщине, которая переписала свою судьбу.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	12
ГЛАВА 2	17
ГЛАВА 3	23
ГЛАВА 4	30
ГЛАВА 5	37
ГЛАВА 6	45
ГЛАВА 7	54
ГЛАВА 8	60
ГЛАВА 9	66
ГЛАВА 10	74
ГЛАВА 11	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

ПРОЛОГ

Удар по щеке пришелся настолько внезапно, что Нина даже не успела ничего понять. В ту же долю секунды левую скулу обожгло взрывом боли, на губах проступил металлический привкус крови, и искры запрыгали перед глазами. Она упала на колени, и вместо привычного холодного кафеля заводского цеха ее ладони вслепую нащупали скользкий, изъеденный сыростью грубый камень.

- Вставай, мерзавка! - голос резал уши, как ржавый нож по стеклу.

Вторая оплеуха прилетела, пока она пыталась сфокусировать взгляд. Губа лопнула. Кровь потекла по подбородку, капая на грязный передник, пахнувший кислой капустой. Она провела рукой по лицу.

Это не мое тело.

Мысли разбегались, как ртуть. Последнее, что Нина помнила отчетливо - муфельная печь и трансформаторы, гудящие за стеной. В руках - кофейная пара номер сорок девять. Тончайшая роспись на белом, как первый снег, фарфоре.

- Нина Петровна, муфель показывает перепад! - голос Кати, лаборантки, пробивался сквозь шум вентиляции.

Она отложила кисть и подошла к старой, немецкой печи. В этот момент стрелка контроллера дернулась. Лампы мигнули раз, другой, третий - и погасли.

А потом раздался страшный грохот, и пол исчез под ногами.

Нина полетела вниз - сквозь жар, звон, запах озона и горелой проводки, от которого слезились глаза.

«Ниночка, - услышала она голос отца из далекого детства, когда она впервые разбила чашку. - То, что разбилось - отпусти без сожаления, это не твое. А то, что устояло и получилось, - береги. Это и есть твоя жизнь».

- Я что, ударилась головой? Где скорая? - мысли были дерганые, нелепые, как у тонущего человека, который хватается за соломинку.

А потом - пустота.

Ни звука. Ни света. Ни времени.

Только ощущение: ее выворачивают наизнанку и собирают заново...

Третья пощечина.

Нина не поняла, сколько прошло - секунда, минута, вечность.

- Я с тобой говорю, мерзавка!

Она открыла глаза.

Над ней нависала старуха в кисейном чепце. Богатое черное платье, тяжелая челюсть и маленькие злые глаза, в которых не было ничего, кроме сытой жестокости. Перстень на толстом пальце - именно им ей рассекли губу - блестел салым маслом в свете свечей.

Чепец. Свечи. Каменный пол. Где я, черт возьми?

- Встань, я сказала!

Старуха занесла руку для четвертого удара.

- Не смейте, - выдохнула Нина.

И старуха замерла от неожиданности. Похоже, та, чьим телом Нина сейчас владела, никогда не перечила.

Тишина повисла в комнате. Только потрескивали свечи в кованых бра, да где-то за стеной хрюкала свинья.

А потом в голову Нины ударило образами, вспышками и обрывками чувств. Чужая жизнь ворвалась в ее сознание, как ледяная вода в тонущий корабль.

«Вот ее свадьба. Муж - красивый, как принц из сказки. Высокий, светлые волосы до плеч, голубые глаза. Она увидела его и тут же влюбилась без памяти. Первая брачная ночь обернулась адом, он даже не посчитал нужным раздеться. Сказал: «Твоя магия спит, мне нужны от тебя только дети...»

«Недовольное лицо свекрови, которую она боится, как огня: «Ваш супруг отбыл в столицу. По его распоряжению все крыло закрывается, чтобы сберечь имущество. Вам покажут вашу новую комнату. Зачем вам ключи от поместья? Вы же совсем не разбираетесь в ведении хозяйства. Нет, сундуки с вашими нарядами потеряны, но мы сделаем все возможное, чтобы их найти».

«Маленькая холодная каморка. Кислый суп. Оплеухи. Грязное ведро вместо купальни. Свекровь, которая называет ее «бесплодной тварью», и слуги, которые ее ни во что не ставят и смеются за спиной.»

«Добрые глаза Лизхен. Худая, маленькая, длинноносая «дурочка», которую отец приставил к Нинель еще в детстве.»

«И вот, наконец, она – несчастная баронесса Нинель фон Торн. Тридцать девять лет. Забитая дурнушка. Муж в столице, служит при дворе и развлекается с любовницами на ее деньги, ведь теперь все принадлежит ему.»

Сердце Нины кольнуло от жалости и нежности к этой никому не нужной, всеми презираемой баронессе.

Тридцать девять лет, муж-кобель, свекровь-стерва, никакой магии и даже ключа от собственной комнаты нет. Баронесса без места. Да, Нина Петровна - уж попала, так попала.

Она сжала руки в кулаки и провела языком по разбитой губе. Кровь. Соль. Железо.

- Ты... - свекровь попятилась на шаг. - Ты что, совсем тронулась? Лизхен!

Из-за спины выскочила женщина в сером переднике - испуганная, худая, с руками в цыпках.

- Госпожа, вставайте, ради святой Астории! - Лизхен схватила Нину за локоть, пытаясь поднять. - У вас жар, вы бредите...

- Я не брежу, - Нина попыталась подняться сама. Ноги тряслись, колени подкашивались. Тело было чужим, слабым, изможденным, но упрямое сознание толкало его вперед. - Лизхен, помоги мне.

- Да, госпожа.

Свекровь брезгливо смотрела на эту сцену.

- Я запрю тебя в чулане! Посажу на хлеб и воду! Конюх!

Конюха сюда!

Плохо соображающую Нину затолкали в грязную каморку, выгнав плачущую Лизхен взащей.

Дверь захлопнулась. Лязгнул засов. Нина осталась одна.

Она привалилась спиной к холодной стене и медленно сползла на пол.

Получается, сегодня, когда в заводском цеху, где она всю жизнь расписывала фарфор, произошел взрыв, то ее... Слезы выступили на глазах... Значит, она умерла, и ее забросило сюда... Воспоминания хозяйки этого тела наконец уложились в ее голове и Нина содрогнулась. Вот уж кому не позавидуешь, так это бедняжке баронессе... И теперь ей с этим жить... Она постаралась успокоиться и заставила себя дышать ровно. На счет «десять» дрожь унялась. На счет «двадцать» она смогла подняться на ноги.

Нина подошла к грязному, затянутому паутиной окну, и начала жадно изучать новый мир.

Небо цвета старого серебра. Луна – маленькая, красная, похожая на чей-то воспаленный глаз - висела над горизонтом. Внизу - крепостной ров, за ним черепичные крыши, дальше лес, а там - холмы, переходящие в невысокие горы, поросшие сосной и березой. На самом горизонте блеснули монастырские шпили. А где-то там, рядом, между холма-

ми должна была располагаться пологая, изрезанная оврагами низина. Ее низина, хозяйки этого тела.

«Гранфельд - проклятое место, - шептала чужая память. - Там никто не живет. Там ничего не растет. Только глина. Белая, жирная, мертвая глина, которая душит корни. Она выходит на поверхность по склонам оврагов, там, где древняя река когда-то промыла себе русло».

Глина.

Это слово отрезвило ее, словно очередная пощечина, но принесло не боль, а долгожданное облегчение. Вот это совпадение. Видимо, не так просто ее забросило именно сюда.

Глина.

Нина Петровна, ведущий мастер лучшего фарфорового завода страны, вдруг почувствовала под пальцами не холодный камень, а знакомую, родную текстуру. Белую. Жирную. Чистую. Пальцы Нины сами собой сжались, будто уже держали ее в руках.

Каолин.

У нее даже мурашки пошли по спине от профессионального любопытства. «1300 градусов, - подумала она. - И он станет фарфором. Интересно, есть ли здесь такие технологии».

Вдруг еще одно воспоминание Нинель вспыхнуло яркой картинкой.

«До свадьбы, еще при отце, к ней вызвали старую магичку из столицы. Она поставила на стол чашу с водой и торже-

ственно произнесла: «Смотрите, как просыпается дар». Нинель смотрела в воду - и видела там не свое отражение, а бесконечную белую нить, уходящую вверх, до самых звезд. «Это твой род, - сказала магичка. - Нить нельзя обрывать. Если твой дар земли уснет - род угаснет...»

Нина прижала ладонь к холодному стеклу. Она провела пальцем по стеклу, рисуя невидимую сетку - перекрестье, угол, точка. Тот самый узор, который она выводила сотни тысяч раз за жизнь.

- Госпожа, - верная служанка поскреблась в закрытую дверь, - что с вами?

- Лизхен, - отозвалась Нина. – Иди в мою комнату и собери наши вещи, только тихо. Мы уезжаем, пока нас тут не прибили.

Верная служанка охнула, забормотала молитвы и вскоре раздались ее удаляющиеся шаги.

Нина отвернулась от окна и посмотрела на свои руки. Чужие, худые, с обломанными ногтями, все в цыпках.

«А если не получится?» - мелькнули панические мысли. Сердце опять бешено заколотилось, но она постаралась взять себя в руки:

«Ты – одна из лучших керамисток в России. Ты пережила развал страны, смерть отца, предательство мужа и двадцать пять ночных смен подряд. Ты не имеешь права раскисать.»

- Начнем сначала, Ниночка, - прошептала она себе под нос. – Ты и не такое видала.

ГЛАВА 1

ГЛАВА 1

Долго предаваться размышлениям ей не дали. Через полчаса в ее каморку неожиданно принесли лохань с водой, чистое платье и перчатки. Лизхен, хлопотавшая вокруг своей госпожи, успела рассказать, что приехали соседи на ужин, и как хозяйка поместья, она обязана их поприветствовать. Вот свекровь и велела привести ее в божеский вид и проводить к гостям.

- Шевелись, пустоцвет! - управляющая Марта - жирная, краснолицая, с руками-клешнями - вцепилась Нине в плечо и подтолкнула в спину. - Госпожа Эдит уже заждалась.

Нина вспыхнула от такой грубости, дернулась, освобождая руку и споткнулась о каменный порог. Лизхен, шедшая сзади, подхватила ее под локоть.

- Вы же сами ее заперли...

- Молчать! - Марта даже не обернулась. - С тобой, дурочкой, отдельный разговор будет. Тебя велено выпороть завтра за то, что госпожу не удержала. Видишь, лицо все разбито. Плети, сказала, самое то для такой скотины.

Лизхен побелела. Пальцы, державшие Нину за локоть, задрожали.

- Плети? - переспросила Нина. Голос - чужой, тонкий - звучал ровно, хотя внутри все кипело. - За что?

- За непочтение к хозяйке, - Марта наконец обернулась, и Нина увидела ее лицо в полусвете факела. Сытое, жестокое, с маленькими свинными глазками. - И за то, что госпожу не научила себя вести. А теперь - улыбайся, пустоцвет. У нас гости.

Она толкнула тяжелую дубовую дверь, и Нину ослепил свет.

Парадный зал замка фон Торнов оказался не таким уж и парадным.

Высокий потолок с лепниной, выцветшие, но ухоженные гобелены на стенах, изображающие охоту на единорога - память о славных временах. В камине уютно потрескивали поленья, согревая зал. За длинным столом, покрытым чистой льняной скатертью, сидели гости.

Вдовствующая баронесса Хелен фон Торн восседала во главе стола в черном бархатном платье с кружевным воротником, которое Нина помнила по чужим воспоминаниям: это один из пропавших нарядов Нинель, перешитое на более крупную фигуру свекрови. Чепец был сменен на высокую вдовью наколку, на шее поблескивало янтарное ожерелье - единственное, что осталось от приданого Нинель.

Сейчас Хелен не походила на ту визгливую старуху, которая совсем недавно была Нину по лицу. Сейчас она была сама добродетель - благодстная полуулыбка и сложенные на коленях руки.

Напротив нее сидел дородный мужчина в городском сюртуке из добротной шерсти, с тяжелой золотой цепью бургомистра на шее. Бургомистр фон Кребс из Фельдена – подсказала память: богатый, влиятельный, любитель громких слов и дешевой лести. Его жена – худая, острая, с птичьим лицом и родинкой над губой, которая дергалась всякий раз, когда она кого-то разглядывала. Сейчас она разглядывала Нину.

И четвертый – барон Лоренц фон Бюл. Седой, с военной выправкой, в старом, но дорогом камзоле, с единственной наградой – серебряным волком на груди. Ветеран пограничных войн, вдовец, бездетный. По слухам, приезжал присмотреть себе жену среди местных невест.

- А вот и наша блудная дочь! – Хелен раскинула руки в жесте, который должен был изображать тепло и всепрощение. Голос ее звучал на октаву ниже, чем тогда – мягкий, медовый, с нотками снисходительной усталости. – Нинель, деточка, ну где же ты пропадала? Мы посылали за тобой трижды! Бургомистр фон Кребс уже начал беспокоиться, не случилось ли чего.

«Мне тридцать девять лет .Я хозяйка этого замка. А она только что назвала меня деточкой...»

Нина замерла на пороге, чувствуя, как гости рассматривают ее – простое платье, хорошо, хоть руки прикрыты перчатками, запекшуюся кровь на губе, которую Марта попыталась стереть мокрой тряпкой, но ранка все равно была заметна.

- Я... – начала она чужим голосом.

- Она гуляла по полям! - перебила Хелен, не дав договорить, и покачала головой с театральным вздохом. Повернулась к гостям, ища сочувствия. - Что поделать, господа, моя невестка – сущая дикарка. Иной раз забудется так, что не докличешься. Это у нее от отца, царствие ему небесное, - она перекрестилась восьмиконечной звездой с такой поспешностью, будто надеялась, что Всеблагие не заметят лицемерия. - Необразованный был человек, простой. Добрый, но простой. Не умел воспитать в дочери чувство долга.

Бургомистрша склонила голову набок, разглядывая Нину как диговинную зверушку в зверинце. Ее острый нос, казалось, вынюхивал что-то неприятное.

- Слышали, слышали, баронесса, - произнесла она тонким, сочащимся сочувствием голосом. - Бедняжка. И лицом не вышла, и стати нет, да и магия... Но в вашем роду магия передается через поколение, так, баронесса?

Нина содрогнулась от подобной бестактности, но молча кивнула.

- Все верно, редкий дар и очень ценный, - подтвердила Хелен, вздыхая так глубоко, что янтарь на ее шее качнулся. - Барон Райнер - человек долга. Ему нужен был наследник с даром. А оказалась... - она бросила на Нину короткий взгляд, полный такого холода, что даже бургомистр поежился. - Ну что ж, божье провидение... Я молюсь об этом каждый день. И ночь. И ночь тоже.

Она поднялась из-за стола, подошла к Нине и взяла ее за

руку. Пальцы у свекрови были цепкие, холодные, как у покойницы. Она сжала запястье так, что Нина едва не вскрикнула, - а вслух произнесла, наклоняясь к ее уху так, чтобы гости видели только материнскую ласку:

- Деточка, иди сядь к нам. Ты, наверное, голодна с прогулки?

Под столом ее ногти впились в Нинино запястье.

ГЛАВА 2

ГЛАВА 2

- Только пикни, - прошептала вдовствующая баронесса одними губами, не разжимая улыбки. - И твоя Лизхен получит не двенадцать, а двадцать плетей.

Нина молчала. Чужая память подсказывала: если сейчас она скажет хоть слово правды - что ее не выпускают из комнаты, что кормят объедками с общего стола, что она только что получила оплеуху от этой «святой женщины» - ей никто не поверит.

Потому что Хелен – глава семейства, вдова, благотельница, столп церкви и устоев.

А Нинель - пустоцвет, необразованная уродина без магии. Про богатое приданное и древний род все, конечно, забыли.

- Благодарю, матушка, - выдавила Нина и позволила усадить себя сбоку, рядом со свекровью, подальше от гостей. Это было еще одно унижение – по закону она была хозяйкой замка и всех поместий, но это место было занято вдовствующей баронессой.

- А скажите, милочка, - обратилась к Нине бургомистрша, насаживая на вилку кусок рыбы и поднося ко рту с таким видом, будто ела амброзию. – Где вы будете заказывать наряды для бального сезона? В этом году не найти ни одной порядочной портнихи...

Нина подняла глаза. Ее взгляд скользнул по лицу бургомистрши.

- Я подумаю об этом, когда у меня появится повод для бала, - ответила она ровно. - Пока что Всеблагие послали мне другие заботы.

Нина почувствовала, как свекровь напряглась. Едва заметно - но та же память Нинель, натренированная годами выживания, уловила: пальцы Хелен под столом сжались в кулак.

- Я никогда...

- Ах, какие ей балы, бедняжке! - перебила Хелен, и ее рука под столом вцепилась Нине в бедро. - Здоровье совершенно расстроено. Нервы. Но мы молимся. Я каждый вечер ставлю свечу за ее исцеление.

Бургомистрша понимающе кивнула. Бургомистр утер жирные губы салфеткой и изрек:

- Вера, уважаемая баронесса, - это величайшая из добродетелей. Ваша забота о невестке делает честь вашему роду.

Барон фон Бюл, до этого рассматривавший потолок с видом человека, которому глубоко безразличны эти бабы сплетни, перевел взгляд на Нину. И задержался.

- Ваша невестка, баронесса, выглядит утомленной, - сказал он ровно. - Бледна. И губа разбита.

Хелен оскалилась в улыбке:

- Упала, бедняжка. Такая неуклюжая.

- Упала, - повторил фон Бюл без интонации. Посмотрел

на Нину. - Бывает.

Нина почувствовала этот взгляд - острый, оценивающий, как у человека, который привык замечать детали.

Свекровь ущипнула ее за столом, и Нина от боли чуть не подпрыгнула на месте.

Она взяла изящную ложечку, зачерпнула немного рагу и отправила в рот. Молча сидела и медленно жевала, наслаждаясь вкусом горячей свежей еды.

«Ничего, - думала она. - Ничего, дорогая «матушка». Ты еще узнаешь, что такое настоящая боль»

Ужин продолжался.

Хелен рассказывала гостям истории о своих «трудах» по воспитанию «несчастной невестки». Рассказывала, как учила Нинель читать церковные книги, как приобщала к молитвам и по ночам сидела у ее постели, когда та болела.

Ее обожаемый сын хотел, чтобы бургомистр вложился в один из его проектов, и дружба с этим семейством была им крайне необходима.

Когда гости наконец откланялись, - барон фон Бюл поцеловал Хелен руку, бургомистрша лишь кивнула Нине, бургомистр срыгнул и похлопал себя по животу, - дверь за ними захлопнулась.

И лицо свекрови изменилось.

Как маска упала.

- В мою комнату, - сказала Хелен тихо, но так, что служанка втянула голову в плечи. - Живо. Обе. Ты, - она ткнула

пальцем в Нину, - и твоя крыса Лизхен.

Они шли по длинному, темному коридору. Шаги Хелен цокали по камню, как копыта. Нина шла следом, чувствуя, как пульсирует разбитая губа.

Лизхен плелась сзади, тихо всхлипывая.

- Госпожа, - прошептала она, - госпожа, зачем вы с ней спорили? Зачем? Теперь она нас убьет...

- Ну хватит, Лизхен, - перебила ее Нина. – Твои слезы только разозлят ее сильнее.

Они вошли в комнату Хелен.

Комната находилась в восточном крыле - самая большая и самая теплая во всем замке. Здесь пахло ладаном и сушеными травами, которые свекровь вешала под потолок «от сглаза». На стенах - ковры, привезенные сыном из южных походов. На окнах - бархатные портьеры, которые Нинель стирала своими руками, потому что слуги могли их испортить.

Хелен стояла перед ними, уперев руки в бока. В свете оплившей свечи ее лицо напоминало маску ведьмы с ярмарки - глубокие морщины, нависшие брови, тонкие губы, сжатые в нитку.

- Слушай меня, дрянь, - начала она, и голос ее сочился ядом. - Ты пыталась мне перечить при людях. При бургомистре. При бароне.

- Вы сами начали, - тихо сказала Нина.

Пощечина обожгла правую щеку.

- Молчать! - Хелен перевела дыхание, и ее грудь ходила

ходуном. - Ты - никто. Ты - пустое место, которое ест мой хлеб и спит под моей крышей. У тебя ничего нет. Ни денег, ни земли, ни рода. Если бы мой сын не был дураком, он никогда бы не взял такую, как ты. И ты будешь делать, что я скажу. Ты будешь молчать, когда я велю молчать. Ты будешь улыбаться, когда я велю улыбаться. Ты поняла?

Нина молчала.

- Я спросила - ты поняла?!

- Поняла, - сказала Нина. И подумала: «Ты даже не представляешь, что именно я поняла.»

Хелен повернулась к Лизхен.

- А ты, дурища. Завтра на рассвете – двенадцать плетей. За то, что научила госпожу дерзить.

Лизхен всхлипнула, но смолчала.

- Эй, люди! - крикнула Хелен в темноту коридора.

Вошел молодой слуга с испуганными глазами.

- Уведи ее и запри в комнате, - распорядилась Хелен. – А завтра на рассвете - плети для этой. А баронессу – на хлеб и воду. Пост пойдет ей на пользу.

Слуга проводил Нину в ее нищенские покои и отправил служанку за водой, закрыв дверь на ключ.

Нина осталась одна.

Она подошла к двери и прислушалась. За дверью - тишина. Слуга уже ушел. А свекровь, наверное, уже пьет свое любимое вино в теплой комнате и думает, что победила.

Нина постучала. Раз, другой. Никто не ответил.

Она вернулась на солому, которой была застелена ее кровать, села, обхватив колени руками, и закрыла глаза.

Скоро все заснут. У нее есть несколько часов до рассвета. Всего несколько часов, чтобы сбежать.

За стеной скреблась крыса. Где-то далеко, над лесом, возшла красная луна.

Нина закрыла глаза и начала перебирать в уме: документы, лошади, дорога...

ГЛАВА 3

Нина не помнила, как уснула. В комнате пахло плесенью и мышами, но тело - чужое, слабое, изможденное - взяло свое. Она провалилась в темноту без снов, а очнулась от тихого скрежета в замке.

- Госпожа, - прошептали из-за двери. - Госпожа, это я. Лизхен.

Нина вскрикнула и села на соломе. Сердце заколотилось. В щель между косяком и дверью просунулась тонкая рука с зажатым в пальцах ржавым гвоздем.

- Тише, - еле слышно сказала служанка. – Тише, госпожа.

Гвоздь звякнул о металл. Лизхен сочно выругалась, и Нина невольно улыбнулась: в этой тихой «дурочке» явно спал незаурядный талант к взлому.

- Откуда у тебя это? - спросила Нина, подходя к двери.

- Конюх пьяный, уснул в конюшне. Ключи при нем, но я побоялась... вдруг услышит. А гвоздь нашла в сарае. Вы не подумайте плохого, меня отец научил, - голос Лизхен дрогнул. - Он говорил, никогда не знаешь, где пригодится.

Замок щелкнул.

Дверь приоткрылась. В проеме стояла Лизхен - бледная, с мокрыми от слез глазами, но собранная. В руке она сжимала злополучный ржавый гвоздь и замок, который она им открыла.

- Идемте, - прошептала она.

Нина кивнула и выскользнула за дверь.

Коридор тонул в непроглядном мраке. Факелы погасили на ночь, и только редкие лунные блики - красные, тревожные - пробивались сквозь узкие бойницы.

Нина и Лизхен шли на цыпочках, прижимаясь к стене. Служанка вела, ведь Нинель редко бывала в господских покоех – а Лиззи знала наизусть каждую ступеньку, каждую скрипучую половицу.

- Стойте, - выдохнула Лизхен, резко останавливаясь.

Нина замерла.

Впереди, у поворота, кто-то кашлянул.

Они прижались к стене, замерев. Нина затаила дыхание. Сердце колотилось так громко, что, казалось, его было слышно во всем замке.

Из-за угла вышел слуга. Молодой парень, которого Нина видела за обедом - тот, что прислуживал за столом. Он зевнул, потянулся и побрел в сторону кухни - видимо, за какой-то снедью для господ.

Он прошел мимо, не заметив их в темноте.

Нина выдохнула.

- Быстрее, - прошептала Лизхен.

Они свернули за угол, прошли мимо кухни, откуда доносился храп поварихи, миновали лестницу на второй этаж и оказались у массивной дубовой двери.

- Здесь, - сказала Лизхен. - Кабинет барона. Идите, я покараулю... - она переступила порог и встала рядом с дверью.
- Там никогда не запирают.

Нина толкнула дверь.

Та тихонько скрипнула и открылась.

Кабинет оказался довольно большой комнатой с высоким потолком и узкими стрельчатыми окнами, выходящим в сад. Мебели было немного: массивный стол из темного дерева, два кресла с темной обивкой, книжный шкаф, в котором вместо книг стояли графины с остатками вина.

И - железный сундук в углу.

Нина подошла к нему. Сундук был закрыт на ключ, но ключ торчал в замке.

- Как все просто, - прошептала Нина, поворачивая ключ.
- Лизхен, помоги мне.

Крышка открылась с тяжелым стоном.

Внутри лежали стопки пергаментов, перевязанные шнурами. Нина начала перебирать их дрожащими руками.

- Что мы ищем, госпожа? - спросила Лизхен, оглядываясь на дверь.

- Все, что связано со мной. Брачный контракт. Дарственные. Долговые расписки, - Нина перебирала бумаги, не глядя. - И все, что касается Гранфельда.

Лизхен кивнула и начала копаться в сундуке с другой стороны.

Через несколько минут Нина нашла.

Это был толстый, пожелтевший пергамент с сургучными печатями. Сверху - герб рода фон Торн. Нина развернула его и начала читать.

И с каждой строчкой кровь отливала от лица.

«Я, нижеподписавшаяся баронесса Нинель фон Торн, урожденная фон Гран, в здравом уме и твердой памяти, добровольно и без принуждения передаю моему законному супругу, барону Райнеру фон Торну, все права на управление моими землями и поместьями, а также все доходы с оных...»

Нина перечитала трижды, поражаясь такой наивности. А потом вспомнила, что Нинель выросла при отце, и так как отличалась слабым здоровьем, замуж он ее отдал только когда был при смерти и решил таким образом позаботиться о единственной дочери. Она толком-то и мужчин в своей жизни не видела, поэтому красавец-жених сразил ее с первого взгляда. Дурнушка и старая дева – и он – просто мечта из сказки.

- Она, то есть я, подписала это в день свадьбы, - прошептала Нина. - Не читая. Он протянул мне документы, а я улыбнулась, как влюбленная дурочка, и поставила подпись.

Лизхен заглянула через плечо.

- И что это значит, госпожа?

- Это значит, что все доходы с моих земель дражайший супруг забирает себе. И это уже не изменить.

- Чудно вы говорить стали, госпожа. Раньше про такое и думать не смели...

Нина опустила на корточки, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость. Она перебирала бумаги дальше. Долговые расписки - супруг Нинель любил перекинуться в кости. Брачный контракт - Райнер обязывался содержать жену, но пункт был сформулирован так размыто, что не стоил ничего.

И вдруг - другая бумага. Тонкая, почти прозрачная, с красной сургучной печатью.

«О неприкосновенной доле»

Нина развернула ее.

«Согласно древнему закону королевства, за каждой благородной дамой, вступающей в брак, сохраняется право на неприкосновенную долю - дар отчего дома, которая не может быть отчуждена, продана, заложена или передана в управление кому бы то ни было. В случае вдовства или расторжения брака сие имение остается в полной собственности благородной дамы...»

- Ммм...Расторжение брака – это интересно... Значит, здесь возможно развестись... - прошептала Нина.

Дальше шел список.

«Гранфельд. Земли, леса, починки. Передано баронессе Нинель фон Торн, урожденной фон Гран, в качестве неприкосновенной доли. Управление оным имением осуществляется лично владелицей. Доходы с имения не подлежат изъ-

тию ...»

- Вот оно, - прошептала Нина. - Гранфельд – это только мое. Эту бумагу они не смогли переписать.

Она прижала пергамент к груди. Потом быстро сложила и сунула за пазуху. Все остальное - брачный контракт, дарственную, опись приданого – аккуратно сложила обратно.

- Лизхен, ты же грамотная, поищи все, где есть мое имя. Мне надо во всем разобраться.

- Вы хорошо обучили меня, госпожа - Лизхен закивала и принялась рыться в сундуке.

Нина тем временем подошла к столу, взяла перо, чернила и чистый лист.

«Баронессе Хелен Фон Торн.

Дражайшая матушка. Я глубоко раскаиваюсь в том, что огорчила Вас сегодня при гостях. Вы были так добры ко мне, так заботливы, а я, неблагодарная, посмела расстроить Вас своим поведением.

Я приняла решение удалиться в свое поместье Гранфельд, что рядом с монастырем Скорбящей Астории на месяц - а то и больше - чтобы молитвой и постом очистить свою душу и вымолить у святых дарование наследника для нашего рода.

Содержание себе никакое не требую, ибо намерена кормиться трудами своими и милостью Всеблагих Заступников.

Сожалею, что не простилась с Вами лично, но мне стыдно смотреть Вам в глаза.

Прошу Вас, не держите зла на Вашу покорную рабу. Я буду молиться о Вашем здоровье каждый день. Ваша воспитующая рука и розги – не зло, но величайшее благо, которое ниспослали мне Всеблагие.

*Ваша смиренная и почтительная невестка,
Нинель фон Торн»*

Нина перечитала. Каждое слово в этом письме было ложью – от первой до последней буквы. «Заботливая» свекровь, которая била ее по любому поводу. «Благо», которое она получила от Хелен – многолетние унижения. Но письмо было идеальным. «Матушка» проглотит его как миленькая.

Она сложила лист и положила его на стол – на самое видное место.

Лизхен закончила перебирать бумаги – ничего серьезного она там не обнаружила, кроме долговых расписок барона.

- Все, госпожа, - прошептала Лизхен. - Уходим.

Они вышли в коридор.

И тут же замерли.

Прямо по коридору, им навстречу, шла Марта.

ГЛАВА 4

Злобная управляющая с лицом бульдога двигалась медленно, освещая себе дорогу масляной лампой. Она не спала. Она что-то искала - или кого-то.

- Назад, - прошептала Нина, утягивая Лизхен в кабинет.

Они замерли за дверью, прижавшись к косяку. Шаги Марты приближались.

- ...где эта дура Лизхен? - донесся грубый голос. - Велели запереть, а она... ох, попадись только мне – шкуру живьем спущу...

Она прошла мимо. Свет ее лампы блеснул под дверью. Нина затаила дыхание.

Марта остановилась на секунду. Нине показалось - на целую вечность. Марта замерла. Нос ее дернулся, как у ищейки. Она повернула голову к двери кабинета - туда, где затаились Нина и Лизхен.

- Что-то здесь, нечисто, - пробормотала она. - Лиззи, ты там, крыса?

Нина зажала Лизхен рот рукой. Сердце ее бешено колотилось.

Марта подергала ручку. Заперто.

- Ну, погодите, - сказала она и пошла в сторону людской за подмастерьем.

Нина выдохнула. Лизхен тихонько заплакала от облегче-

ния, зажимая рот рукой.

- Тихо, милая, - прошептала Нина. - У нас от силы пять минут. Бежим.

Они выскользнули из кабинета и, пригибаясь, побежали к черной лестнице.

- Госпожа, - прошептала Лизхен, дергая Нину за рукав. - Нам нужна еда. У нас ничего нет, а на лошадях ехать два дня.

Нина замаялась. Лизхен была права. В каморке у нее не было ни корки, а у Лиззи после обыска забрали даже краюху, что она спрятала за пазухой.

- Кухня там, - Лизхен кивнула в сторону лестницы вниз. - Я знаю, где повариха держит припасы. Я... я много раз брала оттуда для вас потихоньку.

- Что бы я без тебя делала, - растроганно ответила Нина. - Ты так рисковала.

- Голодать тоже не дело, - ответила Лизхен с неожиданной твердостью. - Если вы упадете по дороге, а я вас не дотащу.

Нина вздохнула.

- Ты права. Только быстро. И тихо.

Кухня была огромной, темной комнатой с низким сводчатым потолком. Два очага давно прогорели, но угли еще тлели, наполняя воздух терпким запахом дыма. На столах громоздились горшки, миски, разделочные доски. Где-то в углу сонно вздыхала кошка.

Лизхен двигалась уверенно, как человек, который провел здесь годы. Она бесшумно обошла стол, достала из-под лав-

ки холщовый мешок и начала наполнять его: краюха черного хлеба, кусок вяленого мяса, две луковицы, горсть соли в тряпице, головка сыра.

Нина стояла у двери, вглядываясь в темноту коридора.

- Быстрее, - прошептала она.

- Сейчас, - Лизхен потянулась к полке за флягой с водой.

В этот момент за дверью послышались тяжелые шаги. Кто-то спускался по лестнице.

- Туши свет, - прошептала Нина.

Лизхен задула масляную лампу, оставленную на столе, и спряталась под столом. Нина скользнула за печь, прижавшись спиной к теплым кирпичам.

Дверь скрипнула.

Вошла повариха - грузная женщина в засаленном переднике, с растрепанными седыми волосами. Она зевала, почесывалась и явно спросонья ничего не видела в темноте.

- Кто лампу погасил? - пробурчала она, шаря рукой по столу. - Опять эти девки...

Она прошла мимо Лизхен в двух шагах. Та замерла, сжавшись в комочек, и даже дышать, кажется, перестала.

Повариха достала из шкафа бутыль, понюхала, отпила и поставила обратно. Потом повернулась к выходу.

- Развели беспорядок, - сказала она сама себе. - Управы на вас нет...

Она вышла, притворив дверь и вскоре из ее каморки возле кухни раздался храп.

Нина выдохнула. Лизхен закрыла глаза, беззвучно шевеля губами - видимо, молилась.

- Уходим, - прошептала Нина. - Быстро, пока еще кто-нибудь не пришел.

Они выскользнули из кухни, мешок с едой Лизхен прижимала к груди, как младенца.

Черный ход выходил во внутренний двор - туда, где была конюшня.

Лизхен толкнула дверь. Та не поддавалась.

- Заперто, - прошептала она, паника снова поднималась в ее глазах.

Нина огляделась. Дверь была заперта на ключ - им ее никак не открыть. Но рядом, в низу стены, был лаз - для дворовых собак, как поняла Нина. Или для очень худых людей.

Она опустилась на четвереньки.

- За мной.

- Госпожа - прошептала Лизхен, - А если нас поймают? Она же... она нас убьет.

- Лиззи, ты хочешь остаться? - Нина взяла ее за плечи. - Хочешь получить завтра свои двенадцать плетей?

Лизхен побледнела, но мотнула головой.

- Тогда - за мной!

Нина протиснулась в лаз. Он был тесным и грязным, платье затрещало, но она пролезла.

Лизхен передала ей узелок с пожитками и пролезла сле-

дом.

Они оказались во дворе. Холодный ночной воздух ударил в лицо - и он был сладок, как свобода.

- Скорее, - сказала Нина.

И они побежали к конюшне.

Конюшня была темной и теплой, там пахло лошадьми, сеном и навозом. Конюх спал на куче соломы в ближнем загоне и оглушительно храпел.

Беглянки постарались его осторожно обойти. Конюх - здоровенный мужик с рябым лицом - вдруг перестал храпеть. Рука его метнулась и вцепилась Лизхен в щиколотку.

- Ага, - прохрипел он спросонья. – Попалась, крыса!

Лизхен взвизгнула. Нина схватила первую попавшуюся скребницу для лошадей и со всей силы опустила на голову конюха.

Тот охнул, выпустил Лизхен и завалился обратно в сено.

Нина подбежала к стойлу, где стояла гнедая кобыла - та самая, которую она собиралась взять себе. Лизхен направилась к другой лошади - серой, с белым пятном на лбу.

- Тихо, тихо, - прошептала Нина, отодвигая засов.

Она уже взяла лошадь под уздцы, когда услышала сзади:

- Да что б вас всех!

Она обернулась.

В дверном проеме стояла Марта.

Управляющая раскраснелась от злости, ее свиные глазки

горели от ярости.

- Ах ты, дрянь, - закричала она в темноту. - Дверь открыта, слуги не на местах... Распустились!

Она шагнула вперед.

Нина спряталась за бочкой с водой, крепко сжимая руку Лизхен.

Пока Марта отчитывала ничего не соображающего конюха, они тихонько, шаг за шагом, пробрались к черному входу конюшни, который выходил прямо в лес.

Перепуганные женщины добежали до ближайших деревьев и только тогда перевели дух. Холодный ветер ударил в лицо. Красная луна висела так низко, что, казалось, до нее можно дотянуться рукой.

- Госпожа, - прошептала Лизхен. – Как же мы без лошадей?

- Ничего, пойдем через болота, там ближе, - сказала Нина, пробираясь сквозь заросли кустарника.

Ветки хлестали по лицу, луна мигала между стволами, где-то позади оставался замок - с его жестокостью, ложью и страхом.

Нина обернулась только раз.

Огни замка таяли во тьме.

- Прощай, дорогая матушка, - прошептала она. - Ты думаешь, что сломала меня. Но я вернусь. С деньгами и связями. И тогда ты вспомнишь каждую свою пощечину.

Она повернулась вперед и зашагала по тропе.

Верная Лизхен со скромным узелком пожитков шла за ней след в след.

Впереди был лес, болота и Гранфельд.

Они не заметили, как два внимательных глаза следили за ними.

ГЛАВА 5

Золотой зал трактира «Три единорога» сиял огнями.

Здесь пахло дорогими духами, жареным мясом и вином, которое стоило больше, чем месячное жалование столичного писаря. На стенах - зеркала в тяжелых рамах, на полу - ковры, в углах - живые деревья в кадках. Любимое место столичной знати.

Барон Райнер фон Торн сидел в отдельной кабинке, за столом, заваленным серебряными тарелками. Ему было сорок два, и он был хорош собой той холодной, кукольной красотой, которая не требует усилий: светлые волосы до плеч, тонкие черты лица, серые глаза с вечной полуулыбкой пресыщения. Черный камзол сидел на нем идеально - работа лучшего портного столицы. Сапоги сияли. На пальце поблескивал перстень с рубином - подарок отца Нинель, сделанный в день свадьбы.

Напротив него сидела Элеонора фон Лансдорф.

Ей было двадцать три. Выющиеся рыжие волосы падали на обнаженные плечи, зеленые глаза с поволокой, белоснежная кожа, и острая, хитрая улыбка. Она была младшей дочерью обедневшего графа, и ее единственным богатством были молодость, красота и умение нравиться.

- Дорогой, - промурлыкала она, отставляя бокал с золотистым вином. - Ты сегодня такой задумчивый. Что-то случи-

лось?

Райнер отхлебнул вина и поморщился - кислое. Слуга уже бежал с новым кувшином, но Райнера раздражало само ожидание.

- Письмо от матушки, - сказал он, не глядя на Элеонору.
- Нинель уехала в Грандфельд.

- В Грандфельд? - Элеонора притворно округлила глаза, хотя внутри все ликовало. - Что это за дыра?

- Не важно... Матушка пишет, что она решила удалиться в монастырь. Молиться о наследнике.

Элеонора едва не рассмеялась, но сдержалась. Вместо этого она склонила голову набок, изображая сочувствие.

- Бедняжка. Совсем отчаялась.
- Отчаялась или рехнулась - какая разница, - Райнер отмахнулся. - Главное, что матушка теперь будет меньше с ней мучиться.

Он не сказал Элеоноре главного: что вздохнул с облегчением, когда прочитал письмо. Три года жалоб, слез, упреков. Три года матушка Хелен терроризировала его рассказами о том, какая Нинель неумеха, дикарка и неблагодарная. Три года счетов за учителей - учитель этикета, учитель танцев, учитель музыки - ничего не помогало. Нинель оставалась прежней: забитой, и неловкой. Он стыдился ее.

- Ты рад? - спросила Элеонора, хотя ответ знала заранее.
- Еще бы, - Райнер поднял новый кубок. - Пей, дорогая. Пусть она молится. А мы будем жить.

Они познакомились год назад, на королевской охоте.

Райнер тогда уже был женат на Нинель, но наследник с магией все не появлялся. Матушка Хелен требовала, чтобы он привез жену в столицу - нужны связи, нужны знакомства, нужна возможность показать родовую магичку королевскому двору.

Но Нинель не умела себя вести при дворе. Она путала имена, спотыкалась на ровном месте, краснела, когда к ней обращались, и бледнела, когда ее представляли важным господам. Райнер был в ярости, и Нинель отправили обратно в замок - доучиваться.

А Райнер остался в столице один.

Как-то раз на охоте он увидел девушку на серой лошади. Она скакала так, будто родилась в седле, - впереди всех, с развевающимися огненными волосами. Ее лошадь первой взяла барьер, и она обернувшись, крикнула что-то веселое своему спутнику.

- Кто это? - спросил Райнер у соседа.

- Элеонора фон Лансдорф. Младшая дочь графа. Бедна как церковная мышь, но чертовски хороша.

Райнер подъехал к ней после охоты. Она посмотрела на него с любопытством.

- Вы не местный, - сказала она.

- Я - барон Райнер фон Торн.

- Я знаю, - она улыбнулась. - Я слышала про вашу жену.

Говорят, она уехала в деревню. Вы скучаете?

Райнер опешил от такой прямоты. Потом рассмеялся - впервые за долгое время.

- А вы всегда задаете такие бестактные вопросы?

- Только тем, кто мне интересен, - ответила она.

С тех пор они стали частенько встречаться на балах и приемах. Она загадочно улыбалась, а ее глаза обещали райское наслаждение. Райен фон Торн потерял голову. Через месяц она стала его любовницей. Через два - он снял для нее отдельные апартаменты. Через три - она переехала к нему.

Элеонора фон Лансдорф знала, чего хочет.

Выйти замуж. Не просто замуж, а за богатого, знатного и красивого. Райнер фон Торн подходил идеально: родовитый, холеный, щедрый. У него были земли, доходы и положение при дворе. У нее - молодость, красота и хватка. Барон и не представлял, что он был всего лишь дичью, попавшей в ловко расставленные силки.

Была ли она влюблена в него? Безусловно. Но даже если так, она не позволяла чувствам мешать расчету.

- Дорогой, - сказала она, когда подали десерт. Засахаренные фрукты в винном соусе, ее любимые. - Я слышала, тебя повысили.

- Да, - Райнер улыбнулся с довольным видом. - Младший советник при дворе. Король лично подписал указ.

- Поздравляю, - она чокнулась с ним. - Это все твоя женитьба?

Он помрачнел.

- Отчасти. Род фон Торн всегда был знатным, но магия... магия дает вес. Когда я взял в жены девушку из магического рода, это заметили.

- И что теперь?

- Теперь я женат, - он поморщился. - Пока не родится наследник с магией. Матушка говорит, что дар может спать годы. А может, вообще не проснуться.

- Но ты же не хочешь ждать годами, - Элеонора положила ладонь на его руку. Нежно, успокаивающе.

- Не хочу, - он посмотрел на нее. В его взгляде было что-то новое - не только похоть, но и усталость. - Может, если она по-настоящему уйдет в монастырь, я смогу просить развод? Как думаешь?

- Думаю, что это вполне возможный исход событий, - осторожно сказала Элеонора.

Элеонора улыбнулась, но в голове ее пронеслось другое: «Если эта дурра родит мага - я получу отставку. Райнер не разведется. Значит, нельзя этого допустить. Но как?»

- Кстати, - Элеонора потянулась за новой порцией вина. - Ты написал жене ответ?

- Написал, - Райнер кивнул. - Сказал, что разрешаю ей оставаться в Грандфельде и монастыре столько, сколько она пожелает.

- Великодушно с твоей стороны, - усмехнулась Элеонора.

- А что мне еще оставалось? Матушка писала, что счета

за ее наряды и учителей в этом месяце пришли на триста золотых. Триста! Я сам столько не трачу.

Он не добавил, что большую часть этих денег уходило на Элеонору. На ее наряды, драгоценности и апартаменты. Но он утешал себя мыслью, что Нинель этого не видит - и не страдает. Он не хотел намеренно причинять ей боль. Просто она такая... Он до сих пор неохотно вспоминал их первую близость...

- Теперь, когда она в монастыре, трат меньше, - продолжил Райнер. - Она будет жить на пожертвования обители. А я вздохну свободно.

- Мы оба вздохнем свободно, - поправила Элеонора. Она подняла бокал. - За свободу, дорогой.

- За свободу, - ответил он.

Они вышли из трактира за полночь.

Элеонора взяла его под руку, уютно прижалась к плечу. Золотые огни столицы отражались в ее глазах.

- Ты не жалеешь? - спросила она. - Что женился на ней?

- Жалею, - честно сказал Райнер. - Знаешь, когда я впервые увидел Нинель на смотринах, она уронила поднос с пирожными на платье моей матушки. Она была... нелепой. Шея тонкая, волосы жидкие, и она все время молчала, как рыба... Но что сделано, то сделано. Мне нужен наследник с магией. А она... она хотя бы из нужного рода. Если дар проснется, я прощу ей все.

- А если нет?

- Тогда через пять лет я подам на развод. По закону, если брак не принес наследника, можно требовать расторжения.
- Пять лет, - протянула Элеонора. - Долго.
- А ты подождешь? - он посмотрел на нее с внезапной уязвимостью.

Она улыбнулась, привстала на цыпочки и поцеловала его в щеку.

- Я подожду сколько нужно, дорогой. Я же тебя люблю.

Она не добавила: «А еще люблю твои деньги, твой титул, твое положение при дворе. И... ты такой красивый. Этого достаточно».

Райнер поверил. Ему хотелось верить.

Вернувшись в апартаменты, Элеонора написала письмо.

«Дорогая сестра.

Ты спрашивала про барона фон Торна. Все идет по плану. Его жена уехала в какое-то проклятое поместье на границе ваших земель - слышала о Грандфельде? Говорят, там одна глина и болота. Она решила стать монахиней или что-то в этом роде. Райнер вздохнул с облегчением и уже не рвется назад.

Он - мой. Через пять лет я стану баронессой фон Торн. А ты мне поможешь, если что-то пойдет не так? Разузнай про нее все, что можешь.

Твоя любящая сестра, Элеонора»

Она запечатала письмо, позвала слугу и велела отправить с утренней почтой.

Потом вернулась в спальню, где Райнер уже спал, раскинувшись на шелковых простынях. Она посмотрела на него, и сердце ее сжалось от нежности.

Она не знала, что спустя время получит ответ, который перевернет все ее планы.

ГЛАВА 6

Рассвет застал беглянок на краю болота.

Нина и Лизхен шли уже несколько часов. Ноги вязли в болотной жиже, холод пробирал до костей, тусклое солнце вставало за тучами, освещая дорогу, но не давая тепла. Вокруг - ни души. Кривые, приземистые березы и корявые сосны стояли на кочках, словно застывшие стражи этого безмолвного царства. Их перекрученные ветви отражались в зеркальной глади темных водных окон, которые казались бездонными порталами вглубь земли. Здесь, на стыке воды и суши, смерть старых деревьев давала жизнь новой, буйной растительности - мху, папоротникам и цепким кустарникам. Это была завораживающая и немного мистическая картина суровой природы, но сейчас Нине было не до красот - каждая кочка могла оказаться ловушкой.

- Госпожа, - прошептала Лизхен, - я больше не могу.

- Потерпи, милая, - твердо сказала Нина. - Мы уже близко. За этой грядой болот начинаются сухие земли. А там и до Гранфельда недалеко.

Лизхен кивнула, но ноги ее дрожали. Платье промокло насквозь, волосы слиплись, лицо было серым от усталости. Нина чувствовала себя немногим лучше - каждое движение давалось с трудом, но она не могла остановиться. Остановка означала смерть. Или хуже - возвращение в замок.

Они двинулись дальше.

Болото становилось все более опасным.

Нина, прибегая к памяти Нинель, которая выросла в этих местах, ступала осторожно, проверяя каждую кочку длинной палкой. Лизхен шла след в след, стараясь не смотреть по сторонам.

- Госпожа, - вдруг сказала она. - Вы слышите?

Нина замерла.

Где-то впереди, в тумане, кто-то плакал и звал на помощь.

- Помогите! Кто-нибудь! Помогите!

- Туда, - сказала Нина и рванула вперед, забыв об осторожности.

Она провалилась по колено, выдернула ногу, споткнулась о корень, упала, вскочила и побежала дальше. Голос становился все ближе.

А потом она увидела девочку, лет двенадцати-тринадцати, худую, светловолосую, в мокром сером платье. Она стояла по пояс в трясине и медленно погружалась дальше. Ее руки судорожно хватались за тонкие ветки кустарника, но те ломались, и девочка с каждым движением уходила вниз все глубже.

- Держись! - крикнула Нина, подбегая.

Она легла на живот на ближайшую кочку, протянула девочке свою палку.

- Хватайся!

Девочка попыталась, но пальцы скользили по мокрому де-

реву. Трясина уже доходила ей до груди.

- Лизхен! - закричала Нина. - Лизхен, давай сюда! Держи меня за ноги!

Лизхен подбежала, упала на колени, вцепилась в лодыжки Нины.

- Когда я скажу – сразу тяни! - крикнула Нина и перегнулась через край кочки.

Она ухватила девочку за холодное, скользкое запястье и дернула. Трясина не отпускала.

- Еще!

Девочка, судорожно вцепившись в Нину, барахталась и плакала.

- Не бросайте меня! Не бросайте!

- Держись крепче, - сквозь зубы процедила Нина. - Еще раз!

Они рванули одновременно. Трясина чавкнула, выпустила добычу - и девочка вылетела на кочку, вся в грязи, дрожащая, но живая.

Нина отползла назад, тяжело дыша и легла на спину. Голова ее кружилась от пережитого напряжения. Ее новое слабое тело не было готово к таким нагрузкам. Лизхен сидела в грязи и плакала. Девочка обняла себя за плечи руками и зарыдала в голос.

- Тише, тише, - сказала Нина, погладив ее по мокрым волосам. - Все позади. Ты в безопасности.

- Я... я пошла за грибами, - всхлипывала девочка. - Ба-

бушка послала, а я... я забрела не туда, а потом... потом...

- Потом трясина, - кивнула Нина. - Как тебя зовут?

Девочка промолчала.

- Детка, слушай меня внимательно. Ты знаешь дорогу отсюда до сухого места? До людей?

Девочка кивнула, вытирая нос рукавом.

- Знаю, конечно, мы там живем. Там, за теми деревьями, наш хутор. Рядом. Совсем рядом. Я думала, докричусь до них.

- Веди, - сказала Нина, поднимаясь.

Хутор оказался в двадцати минутах ходьбы - три небольших дома из темного дерева, окруженные покосившимся забором. Во дворе квохтали куры, пахло дымом, травами и навозом.

Из крайнего дома вышла старуха - сухая, сгорбленная, с лицом, похожим на печеное яблоко. Увидела грязную, мокрую внучку и всплеснула руками.

- Боги милостивые! Что случилось?!

- Бабушка, - девочка бросилась к ней и зарыдала. - Я чуть не утонула!

Старуха всплеснула руками и перевела взгляд на Нину и Лизхен.

- Заходите, родненькие, - сказала она коротко. - Я сейчас, я живо. Печку истоплю, заходите скорее.

В доме было тесно, но чисто.

Пахло сушеными травами, старой древесиной и чем-то еще очень уютным. Старуха топила печь и гоняла старика за водой, попутно доставая из сундука чистое белье.

- Раздевайтесь, - скомандовала она. - Все мокрое снимайте. Вон там, за шторкой, корыто и горячая вода.

Нина и Лизхен переглянулись. Им давно уже не предлагали ничего подобного.

- Некого стесняться, - сказала старуха, заметив их нерешительность. - Мы уж по-простому. Эй, утопленница, ты тоже мокрое скидывай!

Продрогшие женщины с наслаждением помылись. Нина смотрела на свои чистые руки и невольно улыбалась. Лизхен вытирала волосы и тихо плакала - от облегчения, усталости и неожиданной доброты.

- Кушать пожалуйста, - позвала старуха, когда они вышли, одетые в длинные холщовые рубахи.

- Спасибо, - Нина запнулась. - Мы... у нас нет денег. Мы не можем заплатить.

- Кто ж с вас, госпожа баронесса, деньги просит? - старуха усмехнулась. - Я сразу поняла, кто вы. Только не бойтесь - язык за зубами держать умею.

Нина вздрогнула.

- Откуда вы...

- Да отец ваш покойный, когда-то помог сыну моему непутевому. Добрый был человек. Жаль, что жизнь его не бало-

вала. А вы на него похожи. Только глаза другие.

Она поставила на стол миску с горячей похлебкой, краюху хлеба, кувшин с молоком.

- Ешьте. А потом спать.

Они быстро поели и мгновенно уснули.

Старуха уложила их на теплую печь, укрыла овчинным тулупом и задернула занавеску. Девочка спала рядом, иногда вскрикивая во сне – ей снилась трясина.

Нина проснулась от того, что кто-то потряс ее за плечо.

- Вставайте, госпожа, - голос старухи был тихим, но настойчивым. - Солнце уже высоко. А нам поговорить надо.

Нина выбралась из-под тулупа. Лизхен и девочка спали, не просыпаясь.

Тело ее ломило от непривычной нагрузки – видимо Нинель была не такая любительница долгих прогулок, как расписывала заботливая «матушка».

Они вышли во двор. Утро было ясным и холодным. Роса блестела на траве, над болотами стоял туман.

- Садитесь, госпожа, - старуха кивнула на лавку у стены. - Я не буду вас спрашивать, как такая благородная дама в болотах оказалась. Старик мой видел, как вы из замка убежали... И о причинах догадываюсь... Свекровь ваша - та еще змея. А сын ее – простофиля, не в обиду будет сказано. А вот вы... вы не такая, как про вас говорят.

- А что говорят? - спросила Нина.

- Всякое, - старуха махнула рукой. - Но я вижу другое, что не каждый рассмотреть может.

Нина опустила взгляд.

- Ведомо вам, что в вашем роду все женщины были сильными магинями? - спросила старуха.

Нина подняла голову.

- Знаю. Но магия во мне спит.

- Это потому, что вы не знаете, как ее разбудить, - старуха прищурилась. - Магия дело тонкое.

Она ушла в дом и вернулась с небольшим, завернутым в тряпицу свертком.

- Держите, госпожа. Это вам пригодится.

Нина развернула тряпицу.

Внутри лежало необычное украшение.

Тонкий кожаный шнурок, на котором висела серебряная пластинка с выгравированным символом - спираль, закрученная в три оборота, с маленькой точкой в центре. Амулет был старым - металл потемнел от времени, края стерлись, но сам символ казался живым. Нине почудилось, что спираль медленно вращается, но она моргнула - и видение исчезло.

- Что это? - спросила она.

- Амулет моей прабабки, - сказала старуха. - Она была знатной ведьмой... Да и я... Не просто так мы на отшибе живем... Так вот, когда она умирала, я была молодой девчонкой, сидела у ее постели. Она сказала: «Он сам найдет того,

кому он нужен». Я и думать про него забыла, столько лет прошло. А вас увидела и вспомнила...

Старуха помолчала.

- Но есть одно условие.

- Какое?

- Придет время – узнаете...

Нина сжала амулет в кулаке. Металл быстро стал теплым.

- Спасибо, - сказала она тихо. - Я... я даже не знаю, как вас отблагодарить.

- Вы мне внучку вернули, какая еще благодарность. – старуха вытерла передником набежавшие слезы. - Последняя она у нас...

Нина надела амулет на шею и спрятала его под рубаху. Металл коснулся кожи - и по телу пробежала теплая волна. Словно кто-то ее нежно обнял.

- А теперь собираться вам надо. Старик мой проводит до безопасного места.

Нина кивнула.

Она разбудила Лизхен, они позавтракали, собрали свои скудные пожитки и вышли на крыльцо.

- Прощай, бабушка, - сказала она на пороге.

- Прощайте, госпожа, и знайте, что вам здесь всегда рады. Да хранят вас Заступники.

А девочка долго махала им вслед, стоя на крыльце.

Они вышли на сухую землю через час. Старик молча по-

клонился им в пояс и махнул рукой на право. Там, на холме, показались серые стены.

Гранфельд.

Нина остановилась на пригорке и обернулась. Хутор давно растаял в утреннем тумане.

- Госпожа, вы о чем задумались? - спросила Лизхен.

- О том, что мы ни разу не спросили имя той старухи, - сказала Нина. - И она не сказала. Странно.

- Может, не хотела, чтобы мы ее выдали.

- Может быть, - Нина коснулась амулета. - Пойдем.

Она прислонила ладонь ко лбу, защищая глаза от солнца, всмотрелась в даль, и невольно вздрогнула.

ГЛАВА 7

Они вошли во двор Гранфельда в полдень, и даже солнце не смогло сделать это место уютным.

Нина остановилась у ворот и замерла. Получается, ей не показалось...

Замок - если можно было назвать замком эту развалину - стоял на низком холме в центре пологого лога. Когда-то, лет сто назад, это была крепкая усадьба: каменные стены, черепичная крыша, конюшни, амбары. Теперь от бывшего величия остались только обугленные балки да черные провалы окон.

Главное здание - двухэтажное, с обвалившимся правым крылом - напоминало древние руины. Крыша просела в двух местах, из дыры торчали ребра стропил. Окна зияли пустотой - стекла были выбиты. Стены покрывала копоть: Нина не помнила, что здесь случился пожар, видимо Нинель вообще не вникала в дела своих угодий.

- Госпожа, - Лизхен стояла рядом, бледная, с трясущимися губами. - Госпожа, здесь даже крыши нет. Где мы будем спать?

- Не переживай, милая, - сказала Нина. - В доме «матушки» мы и не к такому привыкли.

Она пошла к зданию. Дверь висела на одной петле, покосившаяся, полугнилая. Нина толкнула ее - она упала внутрь с глухим стуком, подняв облако пыли.

Внутри было темно, сыро, пахло мышами, плесенью и тленом. Пол и стены были каменными, с крупными выбоинами. В углу - груда старой мебели. Под потолком - паутина, такая густая, что казалось, по ней можно ходить.

Нина прошла вглубь, перешагивая через мусор. Нашла лестницу в подвал, но спуститься не решилась.

- Ну что, Лизхен, - сказала она. — Добро пожаловать в наш новый дом!

Первым делом Нина обошла свои ближайшие владения. Деревенька - пятнадцать жалких лачуг - ютилась западнее замка, на сухом месте у подножия холма. Крестьяне встретили ее безрадостно.

- Госпожа? - мужик с седой бородой, представившийся старостой Олафом, сплюнул на землю. - А мы думали, вы уже не приедете. Три года ждали. Управляющий ваш, Карл, все, что можно, спустил в кабаке. Земля не родит - глина проклятая... Хоть беги...

- Куда бежать собрался? - спросила Нина.

- Да куда угодно, - Олаф пожал плечами. - У нас нет ничего.

Нина посмотрела на него. Потом на других крестьян - женщин в рваных платках, детей с впалыми щеками, мужиков в латаных рубахах.

- Я могу предложить вам работу, - сказала она. - И хлеб. Не сейчас, но скоро.

- Где мы будем работать? - усмехнулся Олаф. - Глину месить?

- Именно, - кивнула Нина. - Глину. Но не простую. А ту, за которую мне золотом заплатят.

Крестьяне переглянулись. Кто-то хмыкнул, кто-то покачал головой.

- Были уже такие. Обещали золотые горы, а потом продавали наши души за медяк. – проскрипела какая-то старуха.

Нина посмотрела ей в глаза.

- Я не моя свекровь. И не мой муж. Если я обещаю - я делаю. Даю слово.

- Чудно вы говорите, госпожа, - сказал Олаф устало. – Не в обиду будет сказано, но доходили до нас слухи... Говорят, не в себе вы. Уехали из замка, потому что свекровь вас забила. А теперь вот хотите делать из глины золото?

- Все верно, - сказала Нина. - И мне нужна ваша помощь. Поможете – отблагодарю. Будете жить в новых домах, есть мясо и детей грамоте учить. Не поможет – найду других – а вы идите на все четыре стороны, держать не буду.

Тишина. Потом Олаф сплюнул снова, но уже как-то задумчиво.

- А что мы должны делать?

- Во-первых, найти моего управляющего, - сказала Нина. – А во-вторых, навести порядок в поместье, а то в хлеву чище, чем в господском доме.

Она повернулась и пошла к замку, не дожидаясь ответа.

Олаф и еще четверо мужиков постояли, почесали головы и пошли следом.

- Госпожа баронесса, - сказал Олаф, пряча глаза. - Управляющий ваш недалече, у Маришки бесстыжей обитается, не просыхает третий день.

Нина кивнула, не показывая облегчения.

- Добро. Тогда так. Мужчины – трое со мной, остальные расчищают двор. Женщины - моют, что можно вымыть, и начинают готовить. Лизхен, они поступают к тебе в подчинение... И воды пусть нагреют лохань, нам с дороги освежиться надо. Через полчаса я хочу видеть хотя бы одну чистую комнату.

- А вы? - спросил Олаф.

- А я пойду, поговорю с господином управляющим. Кто меня сопровождает?

Они вошли в дом Маришки - низкую, прокуренную избу на краю деревни. Внутри пахло кислым пивом и немытым телом. Пол был усыпан бутылками. В углу, на лавке, укрытой грязным тулупом, кто-то храпел.

- Карлуша, к тебе пришли, - толкнула пьяное тело растяпанная, полуодетая Маришка.

Нина подошла ближе и брезгливо поморщилась.

Перед ней лежал мужик лет пятидесяти, опухший, с красным лицом и седыми, спутанными волосами. Из рта свиса-

ла нитка слюны. Пахло от него так, что Нину замутило.

Она повернулась к мужикам, что пришли с ней.

- Вытаскивайте его во двор, - сказала она тихо. - Живо.

Мужики переглянулись, но спорить не стали. Подхватили Карла под руки, выволокли из избы. Тот застонал, но не проснулся.

Во дворе Нина подошла к колодцу, набрала ведро ледяной и вылила на голову управляющему.

Карл взвыл, забился и закашлялся.

- А-а-а! Сволочи! Кто?! - Он сел, протер глаза и уставился на Нину. - А ты еще кто?

- Я - баронесса фон Торн, - спокойно сказала Нина. - Хозяйка Грандфельда. Узнаешь?

Карл заморгал. Потом лицо его перекосило.

- Баронесса? - он усмехнулся. - А, эта... Чего надо?

- Деньги мои где? - спросила Нина, не повышая голоса. - Три года доходов с поместья. Где они?

Карл попытался встать, но мужики придержали его за плечи.

- Какие деньги? - он скривился. - Нет денег. Все ушло на ремонт после пожара. Там чинить – не перечинить... Работы прорва...

- Вот как? - Нина шагнула ближе. - Мои документы говорят другое. Ты исправно вывозил лес на продажу. Где деньги?

- Нет денег, - отрезал Карл. - И не было.

Нина посмотрела на него долгим, холодным взглядом.

- Олаф, - сказала она. - Веревка есть?

- Есть, госпожа, - мужик достал из-за пазухи толстую пеньковую веревку.

- Тащите его на двор, вон к той березе. А веревку на сук накинь.

Олаф замер. Посмотрел на Карла, на баронессу, на веревку в своих руках.

- Госпожа, вы что...

- Повесить, - сказала Нина спокойно. - За воровство и разорение моего поместья. По законам королевства, управляющий, укравший у баронессы, карается смертью.

Карл побелел.

- Ты... ты не посмеешь, баба. У тебя нет прав.

- Есть, - Нина шагнула к нему. - Грандфельд - мое неприкосновенное имение. А ты - мой слуга, назначенный моим мужем. И я при свидетелях выношу тебе приговор. - Она повернулась к Олафу, и... подмигнула. - Я сказала - повесить.

Олаф понятиливо усмехнулся, и перебросил веревку через толстый сук старой березы.

Карл забился в крепких руках мужиков.

- Стойте! Стойте, дьяволы! Не троньте! Я все скажу! Все!

ГЛАВА 8

Нина подняла руку. Мужики замерли.

- Говори.

Карл облизал губы, задышал часто-часто, как загнанный зверь.

- Деньги... деньги здесь, в сундуке у Маришки.

Мужики приволокли сундук от Маришки и вытряхнули его содержимое на землю. Пьяная девка даже не пыталась им помешать.

- Где остальное?

- Я... я зарыл. У мельницы. За старой сосной. Четыре мешка. Там золото, и пара подсвечников из серебра... И так... По мелочи...

Нина кивнула, запоминая.

- Еще что?

- Все, - Карл сжался. - Честно, все. Не убивайте, госпожа. Я все отдам. Я уеду. Я больше никогда...

- Уедешь, - сказала Нина. - Но сначала откопаешь мешки. И принесешь сюда. Олаф - идите с ним. Если попытается сбежать - стреляйте. Не убивайте, но ноги прострелить можете. А как откопаете все - запирайте, чтоб не сбежал.

Мужики переглянулись и кивнули.

- Будет сделано, госпожа.

Она повернулась к Карлу, скорчившемуся на земле.

- А ты... - она наклонилась, заглянула ему в глаза. - Если соврал хоть слово - я вернусь. И с веревкой уже не буду ждать.

Карл мелко закивал, стуча зубами.

- Все скажу, госпожа. Все покажу. Не убивайте.

Нина выпрямилась.

- Олаф, присмотри за ним. Чтобы немедля мешки были здесь.

- Будет сделано, госпожа, - староста кивнул.

Нина пошла к выходу со двора.

- Лизхен, - сказала она, - пойдем.

Когда Карла увели, Нина отошла за угол и прислонилась к стене. Руки тряслись. Ноги подкашивались.

- Госпожа, вам плохо? - Лизхен подбежала с кружкой воды.

- Нет. Да. Не знаю, - Нина выпила воду залпом. - Я только что приказала повесить человека. Живого человека.

- Но вы же не всерьез...

- А если бы он не признался? - Нина посмотрела на Лизхен пустыми глазами. - Что бы я делала?

Служанка молча взяла ее под руку, давая на себя опереться, и они двинулись к усадьбе.

Гранфельд предстал перед ними в серых, мутных красках вечерющего неба. Красная луна уже показалась из-за леса, подсвечивая развалины багровым.

- Госпожа, - сказала Лизхен, когда они подошли ближе. - Женщины что-то делают у флигеля.

- Идем, посмотрим.

Флигель был единственной частью усадьбы, которая более-менее уцелела после пожара. Это было небольшое строение из темного камня, с покатой черепичной крышей, сохранившейся почти целиком. Окна зияли пустотой - стекла разбились давным-давно, но стены были целы. И крыша как будто бы не протекала.

Изнутри доносился стук, топот и женские голоса.

- Да не туда тащи, дурная твоя голова! К стене ставь!

- Воды нагрели? Скоро госпожа вернется!

- Забери ребятишек, чтобы не мешали!

Нина улыбнулась. Ей был приятен этот живой, деятельный шум.

Она вошла внутрь.

Флигель внутри оказался довольно просторным.

Длинный коридор, высокие потолки, несколько комнат по бокам. Женщины сновали туда-сюда - кто-то скреб полы, кто-то таскал мебель (грубую, наспех сколоченную, но крепкую), кто-то выбивал пыль из старых ковров, чудом сохранившихся в этих условиях.

Из дальней комнаты выскочила крупная деваха, раскрасневшаяся, с платком, сползшим на ухо.

- Госпожа! - она всплеснула руками. - А мы вам спальню приготовили. Вон там, в дальней комнате. Там печь есть, и

крыша цела - не течет. Мы окна плотным завесили, полы выскребли, простыни чистые постелили.

Нина прошла в дальнюю комнату.

Она была небольшой - наверное, бывшая гардеробная или кабинет. Одно узкое окно, затянутое холстиной. Печь-голландка уютно щелкала дровами, в углу - огромная кровать, на которую бросили тюфяк, набитый сеном, и свежие простыни.

- Госпожа, - деваха замялась. - Мы тут еще... купальню вам приготовили. Вода горячая есть, камни в печи накалили.

Нина посмотрела на Лизхен. Та стояла бледная, грязная, с темными кругами под глазами, и не верила своему счастью.

- Веди, - сказала Нина.

Купальня оказалась в подвальном помещении - низкая, темная комната без окон, с единственным источником света: масляной лампой на крюке.

В центре стояла старая деревянная лохань - потрескавшаяся, выщербленная, но вычищенная до бела. Женщины застелили дно чистым полотном и наполнили водой, от которой пар поднимался белыми клубами к самому потолку.

Нина кивнула.

- Спасибо. Оставьте нас.

Женщины поклонились и вышли.

Лизхен помогла Нине раздеться. Нина опустилась в лохань и замерла.

Тепло проникало в каждую клеточку ее измученного тела,

в каждую косточку, в каждую мышцу, которая ныла после долгого пути.

Она закрыла глаза и позволила себе просто немного отдохнуть.

- Госпожа, - прошептала Лизхен.

- Мм?

- Мы больше никогда не вернемся в тот замок?

- Никогда, - сказала Нина и улыбнулась.

После купальни их накормили ужином.

Им накрыли стол в большой комнате на первом этаже. Стол был грубый, из неструганых досок, но покрытый чистой холщовой полотниной. Вместо свечей - масляные плошки. Вместо тарелок - глиняные миски.

- Не обессудьте, госпожа, - сказала девушка, ставя на стол дымящуюся похлебку. – Чем богаты.

Нина отправила ложку в рот и закрыла глаза. Картошка разварилась до состояния пюре, капуста давала легкую кислинку, сало таяло на языке.

- Как вкусно, - сказала она.

Девушка расплылась в улыбке.

- Рады стараться, госпожа... Меня Фрида зовут. К вашим услугам, госпожа.

Лизхен ела молча, быстро, но аккуратно. Нина смотрела на нее и в голове ее что-то зашевелилось.

- Лиззи, милая, ты же из хорошей семьи, и манеры у те-

бя... Как ты оказалась в услужении?

- Ох, госпожа, что прошлое ворошить... Известное дело – отец в карты проигрался, все состояние по миру пустил... За долги его в яму бросили, он там и помер... А меня в рабочий дом... Страшно вспомнить, госпожа, чего я там только не навидалась – после такого предложение вашего батюшки как подарок небес – привязалась я к вам всем сердцем, вспомните, как нам жилось хорошо. Только болели вы часто... А как батюшка ваш кончину свою почуял, да замуж вам отдал, тут нам и пришлось горюшка хлебнуть...

Лизхен опять заплакала, и у Нины сердце зашло от жалости.

- Ничего, милая, мы из тебя еще сделаем уважаемую даму, дай только на ноги встать.

- Скажете тоже, даму, - Лиззи аж хихикнула от таких слов.

После сытного ужина Нина решила осмотреть окрестности, особенно ее интересовали карьеры с глиной и старые заброшенные печи для обжига, которые числились по документам.

Она накинула на плечи почищенный плащ и попросила кликнуть старосту, чтобы он проводил ее.

Нина только собралась выйти во двор, как услышала громкие крики.

ГЛАВА 9

- Тащи его, сюда! - кричал Олаф. - Шевелись, говорю!

Нина выглянула в окно - во двор, окруженного мужиками, втаскивали Карла. Управляющий был бледен, на лбу - свежая ссадина, штаны порваны в коленях. Рядом волокли три объемистых мешка и сундук.

Олаф вошел в дом, скинул шапку.

- Госпожа, - сказал он тяжело дыша. – Вот, сбежать пытались. Схоронился в овраге, стервец. Мы его нашли и вернули.

- Где четвертый мешок? - спросила Нина.

- Там, у мельницы остался. Он не донес. Сейчас мужики притащат.

Нина посмотрела на Карла. Тот стоял, опустив голову, и вздрагивал.

- Заприте его в подвал, - сказала Нина. – Да поставьте охрану. Завтра отправим в город - сдадим стражникам. Пусть с ним разбирается закон.

- А если сбежит? - спросил Олаф.

- А вы сделайте так, чтобы не сбежал, - Нина посмотрела на мужиков.

Мужики переглянулись, кивнули и Карла уволокли. Он больше не сопротивлялся - только бормотал что-то про «не убивайте» и «все отдам».

Нина подошла к мешкам.

Олаф развязал первый. Внутри тускло блеснуло серебро. Нина опустилась на корточки и начала выкладывать содержимое на расстеленную холстину.

Серебряные подсвечники - парные, с гербом рода фон Торн. Тяжелые, с затейливой резьбой. Нина узнала их по чужим воспоминаниям - они стояли на камине в парадном зале.

Серебряные ложки - дюжина, с вензелями. Кувшин - с отбитым носиком, но целый. Поднос - поцарапанный, но дорогой.

- Все из замка, - прошептала Лизхен, стоя рядом.
Лизхен перекрестилась.

Нина открыла второй мешок. Он тоже был полон разной утвари, а еще там лежал увесистый бархатный кошель. Да не один. В них Нина обнаружила золотые и серебряные монеты.

Нина взяла горсть, поднесла к свету, пересчитала. Перед ней лежало целое состояние.

- Много? - спросила Лизхен, стоявшая в дверях.

- Около пятисот золотых, - сказала Нина, пересчитывая на глаз. - Плюс серебро. Плюс то, что в четвертом мешке. Я не знаю цен, но надеюсь хватит, чтобы купить стекло и инструменты. А еще нанять людей и не голодать самой.

Она поднялась, отряхнула колени.

- Фрида, позови всех. Всех, кто есть в деревне. У меня будет разговор.

Фрида кивнула и выбежала.

Через четверть часа во дворе собрались почти все - мужчины, женщины, даже дети. Стояли молча, глядя на Нину испуганно и вопросительно.

- Вы знаете, что здесь произошло? - спросила Нина. - Ваш управляющий украл мои деньги. Три года я не знала, что происходит в моем поместье. Три года вы работали за гроши, а он пропивал все в кабаке и спускал на непотребных девок.

Крестьяне молчали. Кто-то опустил голову, кто-то вздохнул.

- Но теперь я здесь, - сказала Нина. - И теперь все будет по-другому.

Она взяла мешок с серебром, отсчитала монеты.

- Олаф, подойди.

Староста шагнул вперед. Нина вложила ему в руку десять золотых.

- Это тебе.

Олаф смотрел на монеты, не веря своим глазам.

- Госпожа... это...

- Дальше, - Нина повернулась к другим. - Назначаю выплату в каждый дом по пять серебрушек.

Фрида всплеснула руками, заплакала и поклонилась ей в ноги.

- Встань, - сказала Нина. - Не надо.

Она выдала деньги старосте, и он быстро их разделил как положено. Крестьяне не верили своим глазам. Кто-то пла-

кал, кто-то кланялся, кто-то стоял, прижимая монеты к груди, будто боялся, что их отнимут.

А молодой парень в стороне сплюнул:

- Пять серебряных на дом - это поганому козлу на веревку. Разойдутся в момент. Вы бы, госпожа, лучше налог нам снизили. -

Олаф обернулся, замахнулся:

- Цыц, щенок!

- Нет, - Нина подняла руку. - Он прав отчасти. О налогах поговорим в конце года.

Парень хмыкнул, но смолчал.

- Это не подарок, - сказала Нина, когда последние монеты перекочевали в чужие руки. - Это задаток. За вашу работу. Мы начинаем новое производство - фарфор. Кто будет работать хорошо - получит еще. Кто будет работать плохо - получит расчет и уйдет. Все честно.

Она помолчала.

- И еще. Мои деньги - это не только ваша зарплата. Это и ваша защита. Если кто-то из соседей захочет вас обидеть - пусть знают: у баронессы фон Торн есть золото и будут связи. Я за вас заступлюсь.

Мужики переглянулись. Олаф шагнул вперед и вдруг опустился на колени.

- Госпожа, - сказал он. - Мы... мы никогда... вы первая... - он запнулся, не находя слов.

Нина подняла его.

- Встань, Олаф. Я здесь - хозяйка. А хозяйка должна заботиться о своем доме.

Крестьяне закивали, зашумели. Кто-то уже доставал монеты, разглядывал их на свету. Дети прыгали вокруг матерей, не понимая, что случилось, но чувствуя общую радость.

Лизхен стояла рядом, вытирая слезы.

- Госпожа, - прошептала она. - Вы... вы как святая.

- Нет, - усмехнулась Нина. - Я просто знаю, что такое голод и унижение. И не хочу, чтобы это повторялось с теми, кто на меня работает.

Она повернулась к Олафу.

- Веди меня к печам.

Три старые гончарные печи, сложенные из черного кирпича, стояли в получасе ходьбы от усадьбы, на склоне лога, прямо у глиняных карьеров. Две обрушились - от них остались только груды битого камня, заросшие крапивой и полынью. Третья держалась.

Память Нинель подсказала, что здесь был взрыв, осколком задело ее деда, который в свое время начал заниматься разработкой местных карьеров. Барон фон Гран так и не оправился от этой травмы и вскоре умер, о месте пошла дурная слава, и производство закрыли.

Нина обошла печь, которая сохранилась лучше всех, вокруг. Свод – цел, стены - без трещин. Топка была завалена мусором, но ее можно почистить. Дымоход весь в саже, но

и это поправимо.

Она внимательно рассмотрела те, что обвалились.

- Одну из них можно восстановить, - сказала Нина. - Потребуется новый кирпич для свода. Но кирпич можно взять от этой.

Олаф стоял рядом и молчал. Наверняка его удивляло, что госпожа копается в этих обломках, но он благоразумно молчал, перебирая в кармане только что полученные серебрушки.

Нина прошла к оврагу. Каолиновый карьер оказался исполинской чашей с неоново-бирюзовой водой - густой, словно жидкий шёлк и прозрачной до самого дна. Высокие глиняные обрывы уходили правильными ступенями, изрезанные глубокими морщинами-оврагами. На солнце глина высыхала, покрываясь сетью мелких трещин, как мозаика в пустыне. А вокруг этой безжизненной воронки плотной стеной стоял суровый вековой лес - изумрудные лапы сосен заглядывали в бирюзовое зеркало, создавая сюрреалистичный пейзаж.

Нина опустилась на корточки и разрыла верхний слой земли. Под ним была глина.

Белая. Жирная. Чистая.

Каолин.

Она взяла горсть, размяла в пальцах. Глина была пластичной, как тесто, - идеальной для формовки.

- Это она, - сказала Нина. - Та самая. Из такой глины делают фарфор.

- Фарфор? - переспросил Олаф.

- Это такая белая, тонкая посуда. Тарелки, чашки, супницы. Аристократы за них золотом платят.

Олаф присвистнул.

- И вы знаете, как это делать?

- В общих чертах, я больше росписью когда-то увлекалась, - Нина посмотрела на него. - Будем по ходу дела учиться.

Олаф помолчал. Потом сказал:

- Госпожа, я... Думал, вы блажная. А теперь...

- А теперь поверил? - усмехнулась Нина.

- Простите дурака, не привыкли мы к господской заботе, - кивнул староста.

Нина поднялась, отряхнула руки.

- Тогда за работу. Завтра с рассветом начинаем чистить печь. И найди мне двух мужиков, которые умеют класть кирпич.

- Найду.

Она повернулась к усадьбе. В окнах горели масляные лампы - желтые, теплые, живые.

- Иди, Олаф. Отдыхай. Завтра будет трудный день. В город поедem.

Староста поклонился и ушел.

Нина осталась одна у печи. Провела рукой по черному, прожженному кирпичу. Коснулась амулета на груди - металл

был теплым, как всегда.

- Ну что ж, - сказала она вслух. — Магия там или не магия, а пора, Нина Петровна, начинать новую жизнь.

ГЛАВА 10

План родился той же ночью.

Нина сидела за столом, при свете крошечного масляного светильника, и царапала углем на доске.

1. Печи - кирпич, глина, дрова.

2. Дорога – прямой нет, там топи, объездная проселочная, тридцать миль крюка.

3. Фарфор – нужны первые покупатели.

Нина постучала углем по доске.

- Если я хочу продавать фарфор, нужна хорошая дорога. Если я хочу строить дорогу, нужны деньги и разрешение властей. Если я хочу деньги - надо продать фарфор. Замкнутый круг.

Она задумалась. Денег, украденных управляющим хватит на месяц, и только на производство, не больше. Дорога через топи – это совершенно другие суммы. Ее охватила паника, и она стала лихорадочно думать, где бы раздобыть недостающие капиталы.

В своем мире она видела, как решаются такие проблемы. Государственные субсидии. Кредиты. Гранты. Частные инвесторы.

- Здесь то же самое, - прошептала она. - Мне нужен покровитель. Кто-то, кто даст денег на дорогу и печи, а потом

получит долю прибыли. И кто-то, чье имя прикроет меня от свекрови и мужа.

Она перебрала в уме всех, кого знала из чужих воспоминаний.

Бургомистр фон Кребс? Богат, но жадный. Сожрет всю прибыль.

Барон фон Бюль? Честный, но бедный. У него нет денег

Епископ? Может благословить, но не даст ни копейки.

И - местный герцог. Вольфганг фон Ауэр, герцог Эрстальский. Владелец всех близлежащих земель.

- Герцог, - сказала Нина. - Если я получу его поддержку, дорога построится за год. Но для этого нужно, чтобы он меня принял. А зачем герцогу принимать какую-то баронессу из развалин?

Она постучала углем по доске.

- Значит, сначала - благословение церкви. Святая обитель Скорбящей Астории в трех милях отсюда. Если настоятельница подтвердит, что я «удалилась от мира для молитв и трудов праведных, а труды те благословлены Заступниками», это добавит мне веса. А потом - поездка к герцогу с просьбой о покровительстве.

Она отложила уголек.

- Лизхен, ты спишь?

- Нет, госпожа, - донесся из темноты голос служанки.

- Завтра мы едем в монастырь.

- В монастырь? - Лизхен села на своей соломенной под-

стилке. - Но, госпожа... вы же не собираетесь становиться монахиней?

- Нет, - усмехнулась Нина. - Но настоятельнице об этом знать не обязательно.

Монастырь Скорбящей Астории стоял на холме, в трех милях к югу от Гранфельда.

Нина и Лизхен добрались туда к полудню, благо староста нашел им лошадей. Сам он их сопроводить не мог, так как повез сдавать властям проворовавшегося управляющего. У Нины спина отваливалась с непривычки, прежняя хозяйка была слабой и неловкой от постоянного недоедания и побоев, и сейчас Ниночка расплачивалась за это сполна.

Обитель оказалась небогатой, но опрятной: белые стены, черепичная крыша, колокольня с тремя колоколами. За воротами - фруктовый сад и огород. Монахини в синих одеждах неторопливо работали на грядках.

Настоятельница - мать Северина, сухая старуха с пронзительными глазами - приняла их в приемной.

- Вы - баронесса фон Торн? - спросила она, разглядывая Нину с головы до ног.

- Да, - сказала Нина. - Я пришла просить благословения.

- Благословения? На что?

- На труды праведные, - сказала Нина. - Господь дал мне испытание - бедность и изгнание. Но он же дал мне землю, на которой я могу трудиться во славу его. Я хочу построить

дорогу через топи, чтобы и простой люд, и служители Всеблагих могли возить лес и другие товары.

Мать Северина поджала губы.

- Вы не первая, кто пытается оживить Гранфельд, - сказала она. - Ваш покойный дед тоже пытался. У него ничего не вышло.

- У меня выйдет, - спокойно сказала Нина. – Вещий сон мне был явлен, что не будет мне покоя, пока не совершу я подвиг великий. И мне нужно только одно - ваше письменное благословение. Чтобы все знали, я смиренная раба Всеблагих, которая трудится во славу их. И вот еще: жертвую в приход ваш четыре серебряных подсвечника, и большую чашу для омовений.

Мать Северина удовлетворенно прикрыла глаза, и замолчала надолго. Потом взяла перо и бумагу.

- Через месяц я пришлю ключницу, - сказала она, выводя буквы. - Если увижу, что вы пустословите – пеняйте на себя.

- Благодарю, матушка, век вашу доброту не забуду, - сказала Нина, пряча улыбку.

Герцога Эрнстальского в его замке не оказалось.

- Мне нужно видеть его светлость, - сказала она секретарю.

Тот окинул ее подозрительным взглядом.

- Баронесса? Та самая, из Гранфельда? - он усмехнулся. - Его светлость не принимает просителей. У него сегодня охо-

та.

- Я подожду, - сказала Нина.

Она ждала три часа. Сначала у ворот, потом - в приемной, куда ее пустили после долгих уговоров. Приемная была полна просителей - купцы, крестьяне, дворяне помельче.

К вечеру вышел секретарь герцога - молодой человек в очках, с усталым лицом.

- Его светлость не может вас принять, - сказал он. - Приезжайте через месяц.

- Через месяц будет поздно, - сказала Нина. - Передайте мое прошение его светлости.

Секретарь взял ее бумаги, пожал плечами и ушел.

Нина вышла из замка. На улице темнело. Моросил мелкий дождь.

- Дурак, - сказала она про герцога. - Хорошо. Не хочешь по-хорошему - будет по-другому. Я сделаю фарфор без тебя. А когда он станет знаменитым, ты будешь стоять в очереди и умолять о встрече.

Она уже садилась на лошадь, когда заметила, что дождь усиливается. Дорога домой - три часа верхом, через лес и низину. К ночи будет непролазная грязь.

- Ладно, - сказала она Лизхен. - Поехали.

Дождь лил как из ведра.

Нина ехала по лесной дороге, низко опустив голову. Платье промокло насквозь, зубы выбивали дробь. Лошадь уста-

ла и спотыкалась на каждом шагу.

Она уже миновала большую часть пути, когда впереди, в сумерках, услышала крики.

Сначала она подумала, что ей показалось. Но крики повторились - громче, ближе.

Нина натянула поводья, и лошадь замерла.

В просвете между деревьями она увидела троих всадников в темных плащах. Они окружили четвертого - человека на серой лошади. На земле лежал кто-то еще - то ли слуга, то ли сопровождающий, в сумерках было не разобрать.

Раздались выстрелы, и человек упал. Его преследователи повернули лошадей и поскакали в разные стороны, растворяясь в темноте.

Нина сделала знак Лизхен, чтобы та подержала лошадей. Она спешила и стала осторожно пробраться к месту преступления. Дождь прекратился и подул холодный ветер.

Она споткнулась в темноте обо что-то, посмотрела под ноги, и поняла, что это рука человека.

Нину замутило от ужаса. Она согнулась пополам, и ее стошнило под куст. Сердце колотилось, как бешеное, а в ушах звенело.

- Не двигайтесь, или я пристрелю вас - раздался голос из темноты.

ГЛАВА 11

Нина замерла, и сделала несколько шагов назад.

- Всеблагие Заступники, - прошептала Лизхен. – Что же это такое?

Нина молчала. Она смотрела туда, где упал всадник.

Человек, который только что угрожал ей, лежал на земле не двигаясь. Голова его запрокинулась, и было похоже, что он потерял сознание. Возможно, он еще жив.

- Стой здесь, - решила Нина.

- Госпожа, нельзя! - Лизхен схватила ее за руку. - Он может быть бандитом. Или того хуже - там, где стреляют, благородным дама делать нечего.

- Он человек, - сказала Нина. - И он ранен.

Она спешила, подошла ближе.

Человек лежал лицом вниз. Темные волосы, широкая спина, богатый камзол. В плече зияла рана, из которой сочилась кровь.

Нина о

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.